

УДК 929 АНДРИЕВСКИЙ

А.М. АНДРИЕВСКИЙ

Одесский национальный университет

СОБИРАЯ «КАМНИ»...

Часть первая

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОДНОКУРСНИКАХ 1974-1979 ГОДОВ

Представлены воспоминания об однокурсниках - студентах биологического факультета, обучавшихся в Одесском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени И.И. Мечникова в 1974—1979 годах. Даны портреты однокурсников в период студенческой жизни. Приведены копии оригинальных фотографий 1974—1979 годов.

Ключевые слова: студенты-биологи Одесского университета, воспоминания.

А. Андриевский. 1979 г.

В семидесятые годы прошлого столетия, в годы моей студенческой жизни мне и в голову не могла прийти мысль о том, что, спустя 32 года после окончания университета, мне захочется написать воспоминания о моих сокурсниках. Пусть даже не обо всех, а только о тех, кто был мне интересен, близок по духу или как-то участвовал в переживаниях мною нелёгких моментов студенческого бытия. И вот теперь неизбежно возникает вопрос: «Кому нужны эти воспоминания?». Ответу: «Прежде всего - мне». Зачем? «Затем, чтобы проанализировать поворотный период в моей жизни, привести в порядок мысли о прошлом, проверить работу памяти и вспомнить самые яркие картины того времени. Кроме того, хочется дать и надлежащую оценку памятным событиям и соответствующую характеристику главным участникам тех событий. Иными словами, хочется показать к чему нас, однокурсников, привела любовь к биологии».

Начинаю писать и чувствую - непростая это для меня задача, потому как дневников я никогда не вёл, и даже случайных записей никаких не сохранилось. Но сказать,

что вовсе не осталось хоть каких-нибудь отпечатков студенческой поры, будет неправдой. Они есть, однако не в обычной форме, а в виде стихотворений, которые больше отражают не факты, а эмоции, и могут служить разве что украшением описания сути отдельных событий того времени.

Очевидно, придётся начать с момента выбора мною высшего учебного заведения. Отмечу, что сделан он был не сразу. Дело в том, что в последние годы учёбы в школе я увлекался далеко не биологией (если не считать содержание аквариумных рыб, чёрных Муравьёв и певчих птиц), а музыкой и, как это ни странно - военным делом. Самостоятельно, пользуясь самоучителем А. Иванова-Крамского «Школа игры на шестиструнной гитаре», учился играть и осваивал

© А.М. Андриевский, 2012 г.

нотную грамоту. К тому же, участвовал в художественной самодеятельности: пел в дуэте с одноклассницей Антониной Винтовкиной (Смаржевской) под аккомпанемент нашего учителя - баяниста Петра Афанасьевича Яни. Три года подряд посещал стрелковый и танковый кружки, которыми руководил капитан запаса, воздушный десантник, Николай Захарович Леоненко, и всерьёз собирался поступать в Омское училище бронетанковых войск (сейчас это Военная академия бронетанковых войск).

Но не тут-то было. Когда школьные выпускные экзамены были позади, мама и слышать о моей затее не пожелала: во-первых, слишком далеко от Николаева, а во-вторых, довольно близко к «войне». Отец же ненастойчиво советовал подыскать что-нибудь «поближе». Например, Ленинградскую военно-медицинскую академию с её военно-полевой хирургией. В то же время дядя (мамин брат) агитировал в Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Я колебался и, в конце концов, сам стал искать нечто подходящее под мой лирический склад ума. Но тут сказались отсутствие формального музыкального образования и полная неуверенность в себе. Вскоре прояснилось, что между крайней «физикой» и крайней «лирикой» есть ещё одна область, которая может успешно контактировать с этими крайностями и в то же время оставаться самой собой - и это была биология. На том и остановились!

Начался поиск. Времени было мало. И вот выяснилось, что в Николаеве был филиал вечернего отделения биологического факультета Одесского государственного университета, но, как на зло, в 1974 (или годом раньше) его закрыли. Чуть «дальше» был Херсон с факультетом почвоведения, кажется, при Сельскохозяйственном институте, но этот вариант отпал, так как я в себе никак не мог разглядеть задатки будущего почвовода. Ничего не оставалось делать, как ехать в Одессу и подавать документы в университет, на биологический факультет.

Это был мой второй по счёту приезд в Одессу. Первый же раз в этот город я попал с экскурсией весной того же 1974 года с одноклассниками 10-го «А», во главе с классным руководителем - Александрой Владимировной Стоевой. Угораздило нас сразу в Оперный театр на постановку балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро», и это стало одним из ярчайших событий моей юности.

В этот раз в Одессу я приехал с отцом. Город он знал хорошо, так как в 60-е годы, как минимум, 2 раза в год приезжал на сессии, будучи студентом-заочником механико-математического факультета Одесского университета. Лиц абитуриентов-биологов того далёкого дня я совершенно не помню; осталось в памяти только лицо секретаря, принимавшего документы. Уже вскоре, в октябре, я увидел это знакомое лицо на факультете. Это была Таня Гладкий (теперь - Татьяна Владимировна): ассистент кафедры физиологии человека и животных, а в настоящее время - доцент той же кафедры, казавшаяся мне в те годы чересчур строгой и суровой.

С подачей документов никакой проблемы не было, и отец решил помочь мне определиться с жильём. Выйдя из главного корпуса университета, мы направились к Соборной площади и тут же вышли на улицу Подбельского. Здесь, в доме № 42, в двухкомнатной квартире на бельэтаже жила, по сути дела одна, хозяйка - Евдокия Григорьевна Шишкина - марийка по национальности, родом из Челябинска, лет 65-ти. Жильё это было проверенным и надёжным, поскольку отец со своим другом однокурсником Фёдором Ивановичем Черно всегда здесь останавливался, приезжая на сессии. Так что оно мне досталось, образно выражаясь, по наследству.

Я занял просторную с двумя большими окнами на улицу комнату метров 25 площадью с паркетным кленовым полом, высоким потолком и скромной мебелью. Над комнатной дверью красовался гипсовый медальон с Купидоном - наверняка, обычный атрибут спальни старинного дома, занимаемого некогда далеко не бедным хозяином. На первых порах огорчало только то, что кухня, ванная и туалет находились в одном тесном помещении.

Пока проходили вступительные экзамены - на новом месте я постоянно не проживал: ночевал только перед экзаменами, а после сдачи сразу же уезжал в Николаев. Дело в том, что находиться в одной комнате с мелькающими лицами многочисленных знакомых и родственников хозяйки, и при этом готовиться к очередному экзамену было для меня издевательством над самим собой.

После успешной (на отлично) сдачи экзамена по биологии у меня появилась уверенность и надежда на поступление в университет. Этот первый экзамен принимали две средних лет женщины. Став студентом, я их сразу же узнал. Это были доцент кафедры генетики и дарвинизма Ольга Никаноровна Радченко и старший преподаватель кафедры гидробиологии Лилия Дмитриевна Бабанина. Я до сих пор благодарю судьбу за то, что она на самом старте моей «биологической карьеры» послала мне таких экзаменаторов - добрых и великодушных.

Потом, позже, я перестал радоваться своим победам, потому что в то же время кто-то огорчился из-за своего поражения. Конкурс на биофак в тот год был велик (9 человек - на одно место). И если, в конце концов, набрали 65 человек - можно прикинуть - сколько любителей биологии осталось за бортом и за кормой. А ведь явно среди них были ребята, которые и биологию, и химию, и математику, и русский язык с литературой знали не хуже, а то и гораздо лучше тех, кто по тем или иным причинам всё-таки попал на палубу корабля, коим казался мне тогда биологический факультет. Неудача коснулась по большей части девушек, потому как говорили, что парней взяли практически всех (в начале первого курса нас оказалось семнадцать).

Во время вступительных экзаменов я ни с кем из абитуриентов не общался, чувствовал себя чужаком в их шумной стае, и меня преследовала мысль, что вся эта кампания происходит сама по себе и я в ней - лишний игрок сомнительного происхождения.

Запомнился мне в тот период только один человек, который был совершенно невозмутим и спокоен: патлатый (с причёской Анжелы Дэвис), черноволосый, смуглый, среднего роста, крепкого телосложения, в белой с коротким рукавом рубашке и серых брюках. Потом, через два года мы с ним оказались в одной группе биохимиков. Это был младший сын тогдашнего директора Селекционно-генетического института - Владимир Созинов.

Все студенческие годы в любых ситуациях Володя чувствовал себя рыбой в воде. Учиться - не учился, но оценки не вымаливал, как некоторые; он знал, что «тройка» ему всегда будет обеспечена. Славой академического отца он вынужден был пользоваться, но делал это скромно и в меру, не наглел. Володя, хотя и вёл себя по-одесски хамовато, был надёжным, верным, откровенным, и я бы даже сказал честным товарищем, но только в своём кругу общения. Несмотря на большие пробелы в знаниях, Владимир рано стал интересоваться наукой и приобщаться к экспериментальной работе. Кажется, он подучивался у аспирантки кафедры биохимии Эльжбеты Якубик (из Польши). Позже он перешёл работать в проблемную лабораторию к Николаю Яковлевичу Головенко.

Володя оказался удачливым и в науке, и в быту. По-моему, он защитил кандидатскую диссертацию, после чего (подробностей не знаю) возглавил в городском исполнительном комитете отдел экологии, показывался на городских телевизионных каналах и боролся за чистоту одесских пляжей. Это было пиком в его биологической карьере.

Помнится мне: перед сдачей экзамена по математике между нами у всех на виду вертелась одна девчонка и всем желающим на память выдавала теоремы и биномы, объясняла решение примеров и задач... - И что вы думаете? - Она не прошла. - Как это? - Завалили. - Разве так бывало? - Сплошь и рядом. А Володя был не единственным в своём роде. - Судьба? - Очевидно. Говорят, что покорных она ведёт, а непокорных - волочит.

Ближайшим другом Созинова был Игорь Кадыров (азербайджанец по отцу, одессит) - полная противоположность Владимиру: маленький, толстый (такой была и его кличка - Толстый), лысоватый, юморной. Одно время мы с ним ходили в Студию эстрадных миниатюр и публицистики, участвовали в постановке «Степан Разин», где я так и не смог войти в роль «от автора» и забросил это дело.

Игорь был очень толковым парнем; рано решил заниматься экспериментальной биохимией, но скоро оставил это увлечение и подался на кафедру физиологии человека и животных. Он прекрасно знал английский язык, и, по-моему, окончил «Чкаловские» курсы (хвастался, что учился по учебни-

ку Скалкина). Всегда был добрым и отзывчивым, страстно увлекался современной в те годы музыкой. От него я тогда узнал о таких ансамблях и исполнителях, как Carlos Santana, Suzi Qatro, «The Fall», «Led Zeppelin», «Queen», «Uriah Heep», «Deep Purple», «Pink Floyd»; впервые услышал Rock Opera Andrew Lloyd Webber «Jesus Christ Superstar». На все колхозные эпопеи и учебно-полевые практики он брал с собой кучу компактных кассет и японский магнитофон. Все вечера, а зачастую - и ночи, любители рока проводили в палатке или комнате общаги, где жил Кадыр.

Игорь и Вовка быстро сдружились (возможно, на почве игры в преферанс!) и стали ядром компании, к которой вскоре примкнули Александр Овчаров и Анатолий Лопушанский, а на более отдаленную орбиту ее попал Сергей Мусий. В целом бригада выглядела очень красочно, ярко, контрастно: круглый, как Колобок, Кадыров (тем не менее, в школе он занимался классической борьбой), широкоплечий и коренастый Созинов (серьёзно увлекалсябайдарочной греблей), атлетического типа и гусарского вида Овчаров (настоящий самбист), жилистый Лопушанский (боксёр) и остроумный Мусий (блестящий энциклопедист).

В сферу этого ядра иногда залетали шальные

Всадники. И. Сенцова, Е. Георгиева, А. Лопушанский, Л. Черняева. 1977 г.

Фото С. Понкратенко

«электроны», но надолго им задержаться не удалось. Кстати, троих из них настолько увлекла водная стихия что они попали на кафедру гидробиологии, неплохо освоили избранную специальность, а после окончания университета все трое: и Кадыров, и Лопушанский, и Мусий ходили несколько раз на университетских судах «Антарес» и «Илья Мечников» в Индийский океан и в Атлантику, будучи научными сотрудниками на хоздоговорной теме у В.Л. Базеляна, пока научные кораблики не умудрился «списать» проректор по науке Г. (вырученных денег ему вполне хватило, чтобы навсегда покинуть «жемчужину у моря»), А бедный Толик, напрасно очарованный гидробионтами Красного моря, так увлёкся подводной съёмкой (он и на воде-то плавал великолепно: в одном порыве, баттерфляем до волнореза - не пробовали? - Попробуйте!). - Надолго ли? - Нет! Рухнула наука морская для всех троих. - Хотите знать - до чего довела их любовь к биологии и где они сейчас? - Скажу! Лопушанский после трёх лет отработки в сельской школе и нескольких лет «подводной Одиссеи» стал осваивать другую профессию - профессию меховщика. Ремонтирует шапки, шубы (почти зоолог-таксидермист). Уже много лет работает с пушниной; у него - получается. Жаль - не разбогател - место занято, да и поздновато начал. Вот если бы те пять лет в швейном училище прострочил - был бы у нас свой, украинский «Христиан Диор» или, по крайней мере, «Юдашкин».

Кадыров одно время работал лаборантом в Медицинском институте, а после увольнения из университета, говорят, занялся продуктовой торговлей и так пострадал от своей доброты и отсутствия звериного аппетита, что, чуть было не лишился всего на свете. Мне кажется - он перестал быть юмористом, ушёл в тень, куда-то пропал (я не видел его ровно 32 года!).

(Как стало известно, 6 мая 2011 года Игорь Кадыров скончался.)

Но за медин наши люди, всё же, зацепились. Это - Людмила Галущенко и, по-моему, Лариса Ойченко - жена того самого Кадырова. О них ничего писать не буду, так как за пять лет учёбы мы практически ни по одному поводу не сходились.

Ну, и наконец, Мусий - стал скромным антиквариусом. Начинать в развал Союза с «Дома книги», теперь где-то на улице Екатерининской. Пригодилось ли ему его блестящее знание биологии? - Думаю, что нет. Ведь профессиональные антиквары-эксперты обычно не знают так хорошо этот предмет (обычно они его вовсе не знают) - они работают с «группным» материалом, а биология - это наука о жизни. Совсем недавно Сергей заходил ко мне на факультет. Я с трудом его узнал: полысел, потолстел, подустал; тем же остался разве что успокоительный темп его речи и частые кивания головой. Жена - русскоязычный филолог, доктор наук; давно живут бездетно.

Овчарову не повезло куда больше. До недавнего времени работал на санитарно-эпидемиологической станции в Одессе. Говорят: случился то ли корпоратив, то ли банкет, после которого он скончался в своём подъезде на посёлке имени Г.И. Котовского. (Знать бы, где свалишься - в том бы месте соломы постелил!) Ну, никак не мог Сашка - красавец и здоровяк сам уйти на тот свет в 52 года.

Сын его, тоже Александр, несколько лет назад закончил ту же, что и отец, кафедру гидробиологии. Я экзаменовал его по одному из общих курсов и особых знаний не обнаружил. Впрочем, откровенно говоря, их не было и у его отца (спортсменов у нас, как правило, оценивали за участие в соревнованиях, а не за знание хотя бы одной биологии). Я мало знал Овчарова-отца, но мне искренне жаль этого человека. Светлая ему память...

Тем не менее, был на нашем курсе и фанат науки - Виктор Ирич. Обязательные занятия интересовали его мало. Он занят был экспериментальной биохимией. Постоянно что-то центрифугировал на кафедре, пытался выделять митохондрии и непрерывно курил «Rodopi». Был высокого роста, худощавый, с кудрявыми волосами и серым лицом. Кто-то рассказывал, что он страдал в детстве лунатизмом и однажды свалился с балкона, сломал пяточную кость и ходил со стальным штырём в ноге.

На втором курсе, в сентябре месяце, мы попали с ним в одну группу на сельскохозяйственные работы и вызвались вкалывать грузчиками по вывозу томатов на консервные заводы имени Ленина и Ворошилова. Так весь месяц и проработали вместе; сдружились. Витя часто просил, чтобы я попел ему своих песен под гитару (сам он только пытался брэнчать, признавая отсутствие у себя и слуха, и духа). Особенно любил он мою песню «Осень», где были такие слова:

*Сердцу сладко и печально,
А в саду гуляет осень В платье
шёлковом венчальном,
Но тепла уже не просит.*

Она хорошо звучала вечером на берегу лимана.

После окончания второго курса Виктор неожиданно исчез. Сказали, как будто бы перевёлся на биофак Московского университета. С тех пор я его никогда не видел. Так же исчезли после первого и второго курсов ещё трое моих сокурсников: Николай Молибога - высокий, головастый, с низким голосом парень, до университета - выпускник школы имени Столярского по классу фортепиано (одну неделю я у него как-то проживал в квартире на проспекте Шевченко, где завсегда были Кадыров, Созинов и геолог-музыкант Васька; Коля часто нам играл «с листа» на старинном «фоно»), Владимир Горбулин - странный, чем-то озабоченный молодой человек и Ирина Блакитная - роскошная девица, пытавшаяся устраивать у себя на дому весёлые вечеринки для узкого круга новоиспечённых друзей. Дальнейшая их судьба мне неизвестна.

Вот упомянул четверых, и чуть было не забыл ещё об одном герое, преждевременно покинувшем наш корабль где-то на втором курсе - Валерии Остромецком - нашем новоявленном «Распутине». Как-то я о нём написал довольно крупное стихотворение с такими строчками:

*С тоскою голодной по голым ногам,
По ласкам распущенным бабым Гуляя
наш «Распутин» — паскудник и хам,
Играя мошоночной хлябью.*

С самого начала занятий ему было не до биологии. Как он, выходец из Березовки, оказался на нашем факультете - было загадкой. Но намёк на разгадку всё же был: на юрфаке «учился» его старший брат, который мог тайком использовать нужные ему связи с влиятельными людьми.

Валери был уникален в своём роде и ритмично вёл двойной образ жизни: пьяный и трезвый. Уже на первом курсе, в сентябре месяце (нас тогда на десять дней отправили в колхоз, в Кремиловку Коминтерновского района на «борьбу с помидорами»), он проявил свой дурной характер в стычке с сотрудником Зоологического музея Семёном Яковлевичем Блиннгтейном, публично обзвав его «кузнечиком». А на втором (в Сербке) учинил свадьбу с венчанием с некой Людочкой - студенткой биофака постарше нас на 2 года. Живым свидетелем их первой брачной ночи в комнате колхозного общежития оказался наш сокурсник - Владимир Фаленда, привыкший всегда беззаветно быть преданным сладкому сну. Игра окончилась полным поражением для Валерия.

Случилось так, что той же осенью после возвращения из колхоза, Остромецкий попал на свадьбу (уже не свою), которую гуляли в столовой пятого общежития. Как рассказывали, ему совсем не понравилась высокопарная речь чеха - Антонина Тилле - аспиранта кафедры зоологии позвоночных животных - и без колебаний он взялся за «перо»... Чех сбежал, а Валерчика придержали. На следующий день всё, как было, доложили декану, и за дело по соответствующему распоряжению взялась «стальная леди» биофака - Валентина Максимовна Малаховская. Был суд чести на комсомольском собрании курса и Остромецкого исключили из списка студентов второго курса. Вот к чему его привела «любовь» к биологии. Но и это ещё не всё! Как-то, несколько лет спустя, я его встретил около «Привоза». Он хвастался, что вернулся с «севера» с чемоданом денег и готов ни в чём себе не отказывать. Больше я его не видел, но уверен - он пошёл до конца. Пьяница одержал победу над трезвым моральным уродом и, похоже, окончательно расправился с ним. Обидно, что такой человек, попав, в принципе, в здоровую среду нашего курса,

оставил в ней свою гнилую органику, которая и до сих пор отравляет воспоминания, даже спустя 35 лет.

Владимир Фаленда... Я уже упомянул о нём выше, но здесь хотелось бы подробнее остановиться, поскольку он входил в другую фракцию однокурсников, хотя особым дружелюбием не отличался. Родом он был из посёлка Смолянка Тернопольской области, неясной национальности, с прямыми чёрными жирными волосами, небольшого роста, с мясистым крючковатым носом и многочисленными следами оспы на лице. Жил Володя в общежитии № 4 и по возможности вёл скромный образ своего земного существования в чужом городе. Учился неплохо, был фуркантом кафедры физиологии растений, а научную работу выполнял под руководством ассистента В.Г. Курьяты (он даже чем-то был похож на Владимира Григорьевича): упорно экстрагировал лигнины из растений, но дальше этого не пошёл.

Всё ещё впереди. А. Андриевский, В. Фаленда. 1979 г.

Фото автора

В свободное от занятий время мы часто шли к морю под пляж санатория имени В. Чкалова (в 1970-е годы, к счастью, нудистов там не было). Володя, выросший вдали от водоёмов, очень любил морскую воду, подолгу плавал, но своеобразно - «собачьим» стилем. Пролетели пять лет, и Фаленда, будучи, как оказалось, целевиком, отправился с дипломом на руках восвояси: устраиваться учителем в школу. А в тех своясях ему дали понять, теперь уже как «москалю», что нечего ему там делать с университетским образованием. И не на словах, а на деле: скрутили, впихнули в автомобиль, вывезли в дальний лесок, привязали, кажется, к смереке и оставили на произвол судьбы. Где-то на рассвете Володю случайно обнаружил лесничий... С того родимого села Фаленда незамедлительно смотался... - И куца? - В город Шполу Черкасской области. Построил дом, женился, породил троих детей, по-прежнему угрюм и молчалив, немногословен. У него был свой мелкий торговый бизнес - пожгли, но всё же он как-то разжился. Однажды (после выпуска) был в Одессе, когда его дочь обучалась в Юридической академии. Физиология растений как наука дала ему очень многое... Я вот, например, до сих пор храню альбом для практических занятий с тщательными рисунками «ксилемы» и «флоэмы» с автографами Курьяты, но не показывать же мне его моим детям, а тем более - жене! Хотя жене он может и сгодится: она у меня - классный учитель биологии с двадцатилетним стажем! Вот ей биология пришла, как говорится, ко двору.

На втором курсе у нас появилась новая студентка. Она перевелась из Владивостокского университета. Её отец был военнослужащим и получил назначение в Одесский военный округ, после чего долго преподавал в Водном институте на кафедре военной подготовки - прекрасный человек, Владимир Александрович Бой-

Ноябрьская демонстрация. С. Понкратенко, Н. Голикова, С. Мусий,
Т. Евсеева. 1974 г.

Фото С. Понкратенко

ко; кажется, он дослужился до звания «полковник». Звали её Плена. Подружились мы с ней сразу по одной простой причине. Она в перерывах между лекциями играла «классику» на фортепиано, которое стояло в аудитории № 27, и я стал заказывать ей «Шопена»; со временем начали появляться ноты с балладами, ноктюрнами, мазурками, вальсами.

Так прошёл учебный год. Видя, что её тянет на кафедру генетики и дарвинизма, я стал агитировать её на биохимию, куда сам намеревался попасть. И она после длительного сопро-

тивления дала добро. Так мы оказались в одной группе с Созиновым, Загородней, Столяровой, Латифян, Похиленко и Голиковой. Ленка была не только красивой (дивного роста, статной, крепкой, с тёмно-рыжими длинными прямыми волосами, с синими «близорукими» глазами, с контральным голосом), но и на редкость умной девушкой: глубоко понимала биохимические процессы, сходу записывала реакции и структурные формулы сложных органических соединений, не говоря уже о детальном знании других, помимо биологии, предметов. Иными словами - светлая у неё была голова. Год мы были неразлучны: общая сфера науки, общая сфера музыки, общая сфера поэзии. Но, как это часто бывает, растратили силы на анализ прошлых и настоящих (на то время) событий, а на синтез новых отношений их уже не хватило.

После блестящей сдачи всех экзаменов и защиты дипломной работы Ленка попала в лабораторию молекулярной биологии Селекционно-генетического института к Ю.М. Сиволапу и дав-

няя мечта её заниматься генетикой всё-таки стала сбываться. Очень скоро она добилась целевой аспирантуры и уехала в Москву, в Институт цитологии и генетики, в лабораторию Н.С. Бадаева. В срок «сделала» и защитила кандидатскую диссертацию по цитофотометрии хромосом пшеницы, после чего вернулась в Одессу, в Селекционно-генетический институт, но вернулась не одна, а с мужем; вскоре родила дочь - Елизавету. Через года три с горем пополам развелась. С оказией (естественно, научной) съездила в Северную Америку на стажировку, понравилось. В очередной раз взяла с собой дочь и осталась в Манхеттене (похоже, навсегда).

У неё - дом, машина и хорошо оплачиваемая работа по специальности, несмотря на частые торнадо. Ленка была лучшей студенткой на нашем курсе, она по-настоящему любила биологию и, несомненно, заслужила все те блага, которые отпустил ей всевышний. Я понимаю: если бы наши отношения потекли иным руслом, мы бы не имели того, чем бесконечно дорожим сегодня. Думаю, что для Елены, как и для меня, дороже всего на свете - наши дети, независимо от того, откуда они взялись. Жаль только, что её Лиза выросла без отца.

А вот другая личность - Наталья Голикова - бывшая староста нашего курса, кудрявая, с рыжеватым цветом волос, с роскошной бородавкой на щеке и низковатым грудным голосом. Много в ней было энергии, упорства и решительности. Однако после окончания аспирантуры она только через несколько лет сумела защититься то ли в Харькове, то ли в Киеве по специальности «биохимия».

Кажется, в начале 1990-х годов её взяли на должность преподавателя кафедры биохимии. Всё складывалось наилучшим образом: муж - моряк (после «вышки»), две дочери и просторная квартира на улице Малой Арнаутской (бывшая Воровского). Но тут, как на зло, распался Союз Советских Социалистических Республик и в середине 1990-х надо было что-то делать, чтобы не потерять ранее набранный вес, сохранить телесное здоровье и не сойти с ума от происходящего вокруг безобразия. Тут-то и зародилась частная фирма по купле-продаже недвижимости в городе Одессе под названием «Альтернатива» (в соответствующей телевизионной рекламе несколько секунд по экрану бежал ёжик).

Наталья, уверенно шагая по жизни, не сомневаясь, вступила в эту афёру. Деньги стали прибывать немалые; количество вкладчиков росло в геометрической прогрессии. И вот, когда сумма округлилась в 300 тысяч баксов - начальница нашей Наташки взяла, да и чухнула за бугор, понятно, что с деньгами, а бухгалтерше (то есть Наталье) тут же засветила прокуратура, суд и 8-летний срок строгого режима с конфискацией имущества.

Пришлось сесть; и отсидела 4 года (говорили, что срок сократили за примерное поведение в «зоне»). Вернуться к вольной городской жизни в Одессе она, конечно, уже не могла: здесь её с нетерпением ждали разорившиеся и разъярившиеся вкладчики. И сбежала она далековато - в Бангкок, вместе с мужем. Дошёл слух о том, что она устроилась преподавателем в какую-то школу, а муж - Юрий К. занялся продажей кожаных изделий на местной барахолке (а ведь учился на капитана дальнего плавания!). Несколько лет назад в районе Лузановки, прямо на улице, мама Наташи скончалась от инфаркта миокарда. Дочь не смогла приехать на похороны самого близкого и родного человека. (Биология такая большая наука, но некоторым её ох, как мало.)

Выше я назвал всех моих одноклассников, среди которых выделялись и такие фигуры, как Мариетта Латифян и Валентина Загородняя. Мариетта была очень спокойной и чрезвычайно толковой, что вполне соответствовало её наружности: среднему росту, избыточному весу и кудрявой причёске шатено-брюнетки. Любительница порассуждать, она прекрасно и без проблем училась и после окончания университета уехала в Москву; дальнейшая её судьба мне не известна. А Валентина - жизнерадостная и отяжелевшая на пятом курсе, попала на работу в одесскую общеобразовательную школу № 1, там и преподаёт нашу биологию. Берите живой пример! К сожалению, на сколько мне известно, из всего нашего курса на этой ниве кроме Загородней продолжают трудиться только Аллочка Тымкив да Танечка Подоплелова. За последние годы Валентину Петровну я видел пару раз: она сильно прибавила в массе, изменилась не в лучшую сторону; неизменным остался только шрам на руке от ожога трихлоруксусной кислотой, которую Валя неудачно взвешивала на

Забастовка. М. Латифян, И. Корчинский, А. Андриевский,
Л. Похиленко. 1977 г.

Фото С. Понкратенко

технических весах во время одного из практических занятий, да наследственный клочок белых волос на голове в прошлом жгучей брюнетки.

На четвёртом курсе мы с Валентиной, вдвоём выполняли курсовые работы под руководством доцента Л.М. Карпова: определяли активность пируватдегидрогеназы из органов мышей, и поскольку у нас ничего толком не вышло, то я после защиты этой «мышинной» курсовой наотрез отказался от выполнения дальнейшей работы на кафедре биохимии и попросился на время производственной практики в лабораторию биохимии и физиологии растений Селекционно-генетического ин-

ститута. И здесь уместно будет вспомнить ещё об одной героине моих мемуаров — Ларисе Похиленко. Кудрявая блондинка с голубыми тазами и розовыми корундами в ушах вовсе не в силах была учиться, зато умела строить глазки преподавателям и делать жалостливый вид в нужный момент — и четыре балла (а то и пять!) легко оказывались в зачётной книжке.

Попав на практику в ВСГИ, я был весьма удивлён, когда увидел там кисло улыбающуюся Ларису. Анатолий Павлович Левицкий — тогдашний заведующий лабораторией — принял меня в своём кабинете, вкратце описал сферу исследований и передал под руководство старшему научному сотруднику - Сергею Владимировичу Вовчуку. Я сразу взялся за работу: уже на следующий день начал осваивать ионообменную хроматографию для предстоящей очистки коммерческого препарата трипсина. Работа закипела... Я впервые начал получать удовольствие от экспериментов. Быстро освоил целый ряд биохимических методов и вполне был готов к выполнению дипломного проекта. Так и вышло: я приступил к выделению, очистке и изучению биохимических свойств эндогенных протеиназ запасных белков ячменя. В процессе выполнения работы я постоянно общался с Сергеем Владимировичем и дошёл до того, что понимал его с четверти слова. Брался за любые идеи и приступал к решению чёрт знает каких экспериментальных задач... И если я бежал поскорей доложить моему наставнику об очередном результате моей работы, то упомянутая красавица нехотя шла к нему в очередной раз узнать — что ей делать (не было в ней главного — инициативы!).

И вот как-то, уже ближе к концу моих научных самоистязаний Сергей Владимирович сказал мне, что если я доведу работу до логического завершения, руководство института сделает мне вызов на постоянную должность биолога-исследователя. Это меня неожиданно окрылило; я приналег - и 7 марта 1979 года, когда вся лаборатория шумно отмечала международный день представителей прекрасного пола, я сделал открытие, хроматографически разделив ферментный комплекс на три отдельных энзима. Дело было сделано. «Диплом» был готов. Итог работы был подкреплён двумя научными публикациями. И ничто не предвещало беды. День распределения близился, и я был абсолютно уверен в реальности моего вызова. Но не тут-то было: запрос в университет действительно пришёл, но не на моё имя, а на имя Ларисы Похиленко. Не буду описывать моё состояние в ту пору... Надо было что-то срочно делать и я попросил своего отца оформить мне вызов из какой-нибудь школы города Николаева.

Вскоре запрос был у меня на руках (я до сих пор храню этот документ). А в мае месяце на последнем заседании Одесского отделения украинского биохимического общества, которое проходило в Зелёном зале Дома учёных, уже после докладов и обсуждения, практически покидая аудито-

рию, я лицом к лицу столкнулся с Владленом Николаевичем Тоцким, тогда уже заведующим кафедрой генетики и молекулярной биологии, моим первым научным руководителем, нержавеющей «мишени» которого с изотопами серы и углерода я тщательно и добросовестно мыл три года, начиная с октября 1974 года.

Владлен Николаевич поинтересовался - как обстоят мои дела, и, узнав о моём решении - уезжать из Одессы, предложил мне должность инженера лаборатории физико-химических методов исследования на биологическом факультете с окладом в 118 советских рублей. Я согласился и на 32 года задержался в родном университете. (Если бы была возможность прожить ещё одну жизнь - я бы непременно вернулся на родину: я в долгу перед ней...). А Лариса за то время умудрилась как-то сделать диссертацию и защититься под руководством А. П. Левицкого, но глубже в науку, судя по всему, не проникла.

После мучительной смерти С.В. Вовчука (он стал заведующим лабораторией вслед за профессором Левицким) научное подразделение перешло в руки В.Г. Адамовской -

Заветный плод. С. Понкратенко. 1975 г.

Фото С. Понкратенко

милой женщины, у которой, насколько мне известно, не было патологической любви к науке. А теперь и в очередные руки. А Лариса, как была мелкой сошкой, так ею и осталась - зачахла тамошняя наука, а как всё кипело, булькало и добулькалось! Всё же биология пошла ей на пользу: вышла замуж, родила, развелась и ещё раз вышла, была на 30-летней встрече выпускников, раздалась в теле и перестала скрывать грусть в своих по-прежнему голубых глазах. Мне подумалось, что я никогда не любил девушек, о которых говорят: ни рыба, ни мясо. Всё могло бы быть совершенно иначе, согласись я с рекомендацией Анатолия Яковлевича Розанова (царствие ему небесное!) — в то время заведующего кафедрой биохимии - в аспирантуру. Но я отказался, потому как это совпало с периодом вынашивания мною идеи попасть в Селекционно-генетический институт. Впрочем, в этом я был не одинок. От аспирантуры по профилю кафедры отказались и Елена Бойко, и Мариетта Латифян, а вот Наталья Голикова не отказалась. А зря! Как бы то ни было, А.Я. Розанов очень любил нашу группу, ярким свидетельством чему многие и многие годы был висевший в конце кафедрального коридора стенд с увеличенными фотографиями одухотворённых лиц моих одногруппников.

Из числа студентов-микробиологов была удостоена моего внимания и расположения лишь Софья Понкратенко (Каракис по мужу) - маленькая,

красивая, изящная, аккуратная, умница и скромница. Обещались ей (Верой Петровной Тульчинской — заведующей кафедрой микробиологии) золотые горы, но бедную Сонечку из славного города Раздельная жестоко надули, и ей пришлось на три года уехать в ссылку в какую-то глухомань Одесской области. - И что вы думаете? — Она выдержала испытание быть учителем сельской школы. Это её закалило и целеустремило в мировую науку. После отработки Соня вышла замуж, родила сына и вернулась в университет, попала на хозяйку к И.И. Броуну. Верой и правдой служила ему несколько лет. Служила бы и до сих пор, если бы тот после развала Союза не дёрнул

Авитаминоз. Ю. Белоусов. 1975 г.

Фото С. Понкратенко

за рубеж в поисках более сытной жизни. Теперь Соня подчиняется заведующему кафедрой физиологии человека и животных - Леониду Михайловичу Карпову. Ей уже 53, но она не утратила интереса к науке: она себе и теоретик, и практик. Она вряд ли защитит кандидатскую диссертацию; она - «лошадка», которую изрядно перегрузили, а не тянуть, по своей натуре, она не может. Тем не менее,

Соня не мыслит себя без сине-зелёных водорослей, и в частности, без спирулины.

Таким образом, из всего нашего курса в университете сохранилось только двое блаженных: Софья Понкратенко и ваш неперемный летописец. Я рад тому, что могу часто видеть нашу Соню, доверчивую, искреннюю, доброжелательную, жизнерадостную, энергичную.

Поближе к воспоминаниям о Софье Понкратенко мне хочется расположить строки о Юрии Белоусове. Они были как два сапога одной пары: одной весовой категории, одного интеллектуального уровня, одной судьбы. Юра был родом из Луганска, жил в общежитии, вёл скромный образ жизни, учился блестяще, увлекался пауками (мне кажется, Вла-

Перекур. В. Беляков и *Pica domestica*. 1975 г.

Фото С. Понкратенко

димир Фёдорович Микитюк был его научным руководителем). В дружбе сходилась с Владимиром Беляковым и Виктором Панченко и, пожалуй, всё. Шепелявил, много курил, говорил быстро - скороговоркой. После окончания университета отработал нужный срок в сельской школе, поступил в заочную аспирантуру при Институте зоологии в Кишинёве; защитился, и, как недавно стало известно, уже много лет работает в посёлке Хлебодарское под Одессой, находящемся в двух километрах от «Двух столбов», в лаборатории Института биотехники. Занимается проблемой промышленного разведения энтомофага - златоглазки.

Он пару раз заезжал ко мне в лабораторию, и мы горячо беседовали. Юра не по годам постарел, истощился, но, всё же, был полон оптимизма. Он — крупный специалист в своём деле, и я подумал: жаль, что он не смог закрепиться на кафедре зоологии беспозвоночных животных; такого человека нельзя было терять университету. Отличный был пауковед.

В студенческие годы наши отношения с Юрой не были, что называется, дружескими. Вообще он держался как-то особняком, участвуя иногда в образовании треугольника: Беляков — Панченко - Белоусов. Он был самодостаточен. А вот меня, если и тянуло к кому-то, так это к заядлому орнитологу Владимиру Белякову. Этот персонаж во всём был уникален и потрясающе интересен, и вместе с тем мог быть закоренелым циником и позволял себе надсмехаться над кем угодно, над чем угодно и где угодно. Мало того — он был многоликим «Янусом», в зависимости от того с кем общался. И один только вид его выражал пошлое отношение к действительности.

В компании с «Бородой» (так его называли Витёк и Юрочка) было всегда весело, он не переставал выдавать хохмы на все случаи жизни. Безошибочно скажу, что Володя был самой яркой личностью на нашем курсе (хотя, вру: была ещё одна такого же калибра, но о ней - чуть позже!). Уроженец Смоленска, он, не ясно — почему, выбрал на юге Украины высшее учебное заведение, два года отучился на подготовительном отделении и, как служивший в войсках военно-воздушных сил СССР и дослужившийся до звания «сержант», вне конкурса поступил на биофак. Последние три студенческих года жил в общежитии и никакого внимания не обращал на те, или иные бытовые неудобства. — Почему последние три? - Потому что не давали комнату в общежитии и Володя первые два года жил нелегально и почти тайно в оранжерее биологическо-

го факультета. И Витька Панченко, и я были частыми гостями в этом райском уголке, где цвели мексиканские кактусы, пели певчие птицы и плавали аквариумные рыбы.

Володя был большим оригиналом. Весь его внешний вид никого не оставлял равнодушным. Представьте себе молодого человека 23-25 лет, среднего роста, с курчавыми, соломенного цвета волосами, тонкими, но выразительными чертами лица, с усиками и бородкой, голубоглазого, в очках с тёмными стёклами в круглой оправе, восполнявшими немалый недостаток зрения. Над обязательными предметами Володя Беляков никогда не усердствовал, но в целом учился хорошо; кроме того у него была склонность к некоторым дисциплинам: например, к математике и английскому языку. С первого курса и до последнего он часто пропадал в Днестровских плавнях, наблюдая за птицами; иногда прямо возле факультета ставил сеть-паутинку и ловил своих любимых стурнусов с целью кольцевания.

Мы познакомились в первом же «колхозе» в сентябре 1974 года, когда по вечерам, до поздней ночи, в «умывальнике» стали собираться вчетвером (Володя Беляков, Ася Петросян, Люда Черняева и я), чтобы попеть песен под мой гитарный аккомпанемент. Очень популярными у нас тогда были две песни: «Звёздочка» и «Ласточка». От души пели песни на стихи С. Есенина, русские романсы, а также мои первые песни. Позже Володя открыл мне своё увлечение творчеством Булата Окуджавы («... мысль, что стучала скворчком в виске...») и Александра Градского (сейчас вспоминается песня «Жил-был я...»). Можно сказать, что именно на музыкальной почве выросла наша дружба. Чего я с ним не мог разделять - так это вылазки в природу; но для этого у него всегда находились другие компаньоны: Виктор Панченко и Юрий Белоусов.

В одном из «колхозов» (посёлок Марьяновка Ивановского района) у Володи стали завязываться тесные отношения с Игорем Корчинским, и как оказалось, на почве гипноза, которым Игорь действительно владел. В один из вечеров в местном клубе Корчинский дал сеанс массового гипноза, в процессе которого вытворял с участниками-добровольцами то, что в здравом уме никто бы из них подобного себе не позволил. Надо сказать, что Беляков у маэстро кое-чему научился; во всяком случае, начитавшись В. Мессинга, пытался гипнотизировать после трудового дня страдающих бессонницей однокурсниц. Надо же было на ком-то практиковаться!

После окончания университета, Володя, как обученный летать птенец, покинул наше «родовое гнездо» и метнулся куда-то в Россию, под Курск. Говорят, он устроился научным работником в Центрально-чернозёмный заповедник, а теперь дослужился до заместителя директора по научной работе. В студенческие годы у него всегда была одна цель - орнитология, и он никогда не упускал её из виду.

Ближайший друг Белякова - Виктор Панченко (уроженец города Раздельная) - тоже был зоологом, даже внешне он напоминал птицу: цаплю. Высокий, худой, смуглый, с чёрными курчавыми волосами, картавящий и говоривший наспех, жизнерадостный Витёк после выпуска уехал на Придунайские озёра, прихватив с собой миниатюрную девушку, попавшую на наш курс после академического отпуска - Наталью Бойко.

До сих пор остаётся загадкой: почему эта милая с виду девчонка пошла за Виктором, а не за Беляковым, а тем более не за Корчинским. Трое друзей часто из-за неё ссорились, выкуривая пачку за пачкой папирос марки «Salve». В конце концов, Панченко победил и обрёк малышку на многие годы проживания на одном из островов в районе Вилково. Там же родились и их будто бы совместные дети.

Потом семья распалась, и Виктор подался куда-то в Казахстан или в Астрахань заниматься не весть чем: эпизоотиями. Кажется, в 2008 году я как-то случайно встретил его на Греческой площади. Он очень обрадовался встрече, куда-то торопился и только успел сказать, что навсегда переезжает к маме, в Раздельную, да и к старшей сестре - поближе, а ровно через год его не стало.

У нас на факультете буквально год назад отучился его племянник - Андрей Пацёра - тоже зоолог (сейчас трудится в Маяках). Так вот он мне сказал, что после Натальи Бойко у дяди его было ещё две жены, и обе - тоже Натальи, и что перед смертью все его дети полетались к нему,

чтобы попрощаться. Похоже, бог сполна вознаградил только первую его жену: она вторично вышла замуж за англичанина, обучила детей в Лондоне (?) и открыла своё предприятие: экологический туризм с маршрутом в «Придунайские плавни». А куда же ещё?

Игорь Корчинский развития этих событий никак не мог знать потому как через несколько лет по окончании университета ушёл из жизни, оставив жену-однокурсницу - Веру Пономаренко. - Каким он был в студенческие годы? - Весёлым был и нервозным; очень талантливым музыкантом (играл на фортепиано и гитаре, пел «под Мулявина»; не обходились без него танцевальные вечера отдыха и «Дни факультета»). Сама же биология была у него на втором, если не на третьем, плане. Вернулся в родной Николаев и не смог в нём больше жить. А Вера до сих пор работает в какой-то аналитической лаборатории; бывала пару раз в Одессе на встречах выпускников. Кстати, ново-одесская землячка её и близкая подруга Вера Богза - меланхолическая красавица, сводившая с ума практически всех парней, которых я тронул своими описаниями - после страстной любви к индусу - студенту политеха, поутихла совсем (кинул он её, как говорится, да не одну, а с ребёнком) и потерялась где-то тоже в Николаеве. Там же, в Николаеве, у себя на родине, трудятся ещё две наши однокурсницы: Ирина Нарыжная и Людмила Черняева, работают по специальности. Ира - кстати, кандидат в мастера спорта по художественной гимнастике - преподаёт биологию и химию в техническом училище, а Люда (мечтала с Асей Петросян изучать поведение дельфинов!), защитив докторскую диссертацию по куриному птицеводству, продолжает преподавать в Николаевском сельскохозяйственном институте. Здесь уместно отметить то, что на научной стезе из всего нашего выводка осталось всего лишь шесть человек. Вот и подсчитайте коэффициент полезного образования для нашего курса за 1974—1979 годы!

Чуть было не выпал у меня из поля зрения выпускник кафедры генетики и дарвинизма Александр Чёрный - высокий и не складный, походка которого отличалась тем, что во время ходьбы расположенные параллельно руки его двигались в такт шагу в направлении, перпендикулярном направлению движения корпуса. Несколько эпизодов с Сашей мне запомнилось по Копан-скому лесу, где мы находились дней десять в связи с зоологической практикой, которой руководил Анатолий Иванович Корзюков. В свободное время Чёрный брал гитару и пел несколько оригинальных и незнакомых мне песен: «Я не знаю, что делать...», «У берёз и сосен тихо бродит осень...» и другие (кстати, он обожал тогда очень популярного Демиса Руссо). Одна из них мне очень понравилась, и я взял её в свой репертуар. Несмотря на то, что ей более 45 лет, она не перестаёт мне нравиться. Александр приехал учиться в Одессу из Черкасс, вроде бы в них и вернулся, а вот жив ли до сих пор - никто толком не знает.

Ещё одну фигуру упомяну вскользь - зоолога-птичника Сергея Ваташука - любителя пространственных философских речей, добряка и неиссякаемого оптимиста в любой компании. Серёга подавал большие научные надежды, работал в Педагогическом институте имени К.Д. Ушинского, учился в аспирантуре на кафедре педагогики... и - бац! - всё накрылось, как говорится, медным тазом. В свои 53 - он, - грузчик в каком-то лакокрасочном магазине на «Малиновском рынке». Слышали бы вы его ядрёные спичи в студенческие годы!.. Спиноза - не меньше! И из семьи интеллигентной. Теперь одна отрада у него - дочь.

Вот и приближается грустный эпилог моих воспоминаний. И теперь, когда большинство моих героев выстроились в логический с моей точки зрения ряд и мысли мои не отвлекаются по поводу них, я хочу замкнуть этот ряд именем моего друга, прошедшего рядом со мной жизненный путь с 1974 года до настоящего времени - именем Юрия Губина. Впервые я его увидел, точнее - заметил, в Кремидовке, в «колхозе». Это был малого роста, коренастый, в меру упитанный парень, на четыре года старше меня (8 февраля сего года ему исполнилось 58 лет). Чуть позже выяснилось, что Юра поступал на биологический факультет пять раз и поступил только, благодаря вмешательству своих родителей - фронтовиков-инвалидов Великой Отечественной войны.

Как-то, после возвращения из упомянутого «колхоза», в октябре 1974 года мы с ним отправились в лабораторию физико-химических методов исследования - «делать науку»; познакомились с Викторией Ольшанецкой, а через недели две Юра с обидой на меня и на молодую аспирантку кафедры биохимии ушёл, а я остался на три года получать свою дозу радиации отмеченных никотиновой (C^{14}) и липоевой (S^{35}) кислот. Так моя «биохимическая» карьера началась, а Юрина внезапно прервалась.

На третьем курсе Юра стал фуркантом кафедры физиологии человека и животных, но от настоящей науки оказался далёким. Рос и воспитывался Юра далеко не в роскоши; имея большую домашнюю библиотеку, много читал, неплохо учился (окончил одесскую школу № 10 с углублённым изучением французского языка). Кстати, после школы работал грузчиком в Одесском порту, а также профдезинфектором на санэпидемстанции в том же порту, занимался тяжёлой атлетикой и мечтал умереть в глубокой старости на куче любимых апельсинов.

Полны сил. А. Андриевский, Ю. Губин. 1979 г.

Фото автора

После окончания университета попал сначала в Институт курортологии, затем в Институт гигиены (напрашивается - гиены) водного транспорта и, наконец, в лабораторию санитарной гидробиологии АзЧерНИРО. Всюду конфликтовал с начальством, искал справедливости, в конце концов - уволился и стал досматривать родителей (какой пример для подражания!).

Сначала на его руках умер отец, потом, через несколько лет - мать. Юрий остался совершенно один в квартире практически без воды, газа и отопления (в иные зимы у него в комнатах температура по несколько дней держится на отметке $+10^{\circ}C$, а на кухне - $+7^{\circ}C$). В позапрошлом году по вине некоего турка-грильщика пережил страшный пожар (чудом не угорел!). Ничего - очухался. Многие годы - совершенно безработный. - На что живёт? - На 40 копеек в день при крайней норме - 6 гривен. Чувствуете - до чего довела его любовь к биологии? Женат не был; часто влюблялся; порывался жениться; с годами обрёл абсолютное одиночество.

Последний раз я Юрия видел 22 февраля этого года. В тот день он читал написанные мною очередные стихотворения, выражал слова одобрения; провожал меня, как всегда, от факультета к железнодорожному вокзалу на 201-ю «маршрутку» пешком; обещал зайти на следующий день, и не зашёл (такое бывало и раньше).

Через пару дней я стал ему звонить на домашний телефон... Так звоню регулярно уже два месяца, а 22 марта стучался во входную дверь его квартиры - бесполезно. Думаю, его атаквали «жэковцы» за коммунальные долги, и он «залёг на дно». Помню: на море Юра любил нырнуть у берега и проплыть до волнореза под водой, не всплывая, на одном дыхании. Из нашей братвы такое сделать никто не мог. «Во-от...» (любимое словцо моего героя). Говорят, на надгробном камне на могиле Григория Сковороды написаны такие слова: «Мир ловил меня, но не поймал». Прекрасная эпитафия. Всегда кстати.

Конец апреля - 3 мая 2011 года.

Post scriptum:

Предавшись воспоминаниям о моих однокурсниках, я очень мало внимания уделил нашим преподавателям – учителям-биологам. Даст Бог – напишу о них отдельный манускрипт, а здесь, на всякий случай, лишь упомяну их поимённо в порядке обучения нас с первого курса по пятый; и упомяну только тех, к кому более всего было расположено моё сердце. Думаю, что моё мнение о них в полной мере могли бы разделить и те, кому я посвящаю свои мемуары.

1. Венгржановский Пётр Николаевич, доцент кафедры физиологии человека и животных – «Анатомия человека».
2. Микитюк Владимир Фёдорович, старший преподаватель кафедры зоологии беспозвоночных животных – «Зоология беспозвоночных».
3. Погребняк Иван Иванович, профессор кафедры ботаники – «Низшие растения».
4. Шапошникова Лидия Андреевна, доцент кафедры ботаники – «Морфология растений».
5. Арефьева Алла Кирилловна, старший преподаватель кафедры ботаники – «Анатомия растений».
6. Розанов Анатолий Яковлевич, профессор кафедры биохимии – «Биохимия».
7. Корзюков Анатолий Иванович, доцент кафедры зоологии позвоночных животных – «Зоология позвоночных».
8. Бабанина Лилия Дмитриевна, старший преподаватель кафедры гидробиологии – «Гистология».
9. Рябова Любовь Алексеевна, доцент кафедры физиологии человека и животных – «Физиология человека».
10. Черничко Иосиф Иванович, старший преподаватель кафедры зоологии позвоночных животных – «Экология».
11. Захариева Захарина Еленкова, ассистент кафедры биохимии – «Биофизика».
12. Бондарчук Нина Григорьевна, доцент кафедры биохимии – «Антибиотики».
13. Левицкий Анатолий Павлович, профессор кафедры генетики и молекулярной биологии – «Молекулярная биология».

Приложение

Полный список однокурсников, получивших в 1979 году диплом об окончании Одесского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени И.И. Мечникова по специальности: биолог, преподаватель биологии и химии.

1. Ангерт Л.Е.	25. Кадыров И.А.†	48. Пономаренко В.
2. Андриевский А.М.	26. Клеймёнова И.С.	49. Похиленко Л.И.
3. Антоненко Л.Н.	27. Коваленко Л.Б.	50. Ременная Т.М.
4. Бабейко З.И.	28. Ковалёва М.И.	51. Сенцова И.П.
5. Белоусов Ю.В.	29. Кондрацкая Д.В.	52. Скрипник И.Н.
6. Беляков В.	30. Корчинский И.†	53. Созинов В.А.
7. Бескровная Л.	31. Ландер И.М.	54. Сорокина Л.В.
8. Богза В.В.	32. Латифян М.К.	55. Степанюк С.Б.
9. Бойко Е.В.	33. Леонтьева Л.	56. Столетова Т.В.
10. Ватащук С.В.	34. Лопушанский А.Н.	57. Столяр В.Д.
11. Веретенников В.	35. Мартыненко И.	58. Столярова Л.Л.
12. Галущенко Л.	36. Мусий С.	59. Талагаева Т.Н.
13. Георгиева Е.Г.	37. Нарыжная И.Н.	60. Тымкив Г.И.
14. Глух Н.Г.	38. Овчаров А.П.†	61. Усачёва А.Д.
15. Голикова Н.А.	39. Ойченко Л.	62. Фаленда В.Л.
16. Губин Ю.М.	40. Панченко В.†	63. Федченко С.П.
17. Дидык О.А.	41. Паранич Т. Н.	64. Хожанец В.В.
18. Дидух Л.И.	42. Петросян А.	65. Череш М.И.
19. Дмитриева Т.М.	43. Пилецкая Т.С.	66. Черняева Л.С.
20. Евсеева Т.М.	44. Писарева М.И.	67. Чёрный А.В.
21. Загородняя В.П.	45. Плюснина И.М.	68. Шкурупий Л.П.
22. Задирака З.П.	46. Подоплелова Т.В.	69. Штейн С.
23. Иванова М.В.	47. Понкратенко С.Г.	70. Штокало О.А.
24. Ильюх Л.В.		

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Скворцы прилетели. 1975 г. Слева направо: Л. Коваленко, Л. Столярова, Н. Голикова, С. Понкратенко.
Фото С. Понкратенко

Праздник «День факультета». Испытание королём. Слева направо: В. Беляков, А. Овчаров,
М. Латифян. 1976 г. Фото автора

Украинский полдень. С. Понкратенко. 1975 г.
Фото С. Понкратенко

В Белгород-Днестровском лесу во время военных сборов.
А. Андриевский. 1979 г. Фото автора

Три богатыря. В. Фаленда, А. Андриевский, Ю. Губин. 1979 г.

Фото автора

Поступила в редакцию 3.06.2011 г.